

УДК 327; 339.7

*Л.В. Никитин***ГОРОДА США В МИРОВОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ (1970–2010-е ГОДЫ)**

В статье на основе статистических данных и иной информации прослеживается то, как на протяжении ряда десятилетий менялось место Соединенных Штатов Америки в мировой банковской системе. При этом наблюдение синхронно осуществляется на двух уровнях: и в отношении страны в целом, и в отношении ее важнейших городов. Исследование начинается от рубежа 1960–1970-х гг. и доводится до современности (выбор стартовой хронологической грани определяется происходившими в тот период фундаментальными сдвигами в мировой экономике, а также появлением с 1970 г. доступных и надежных статистических сводок международного масштаба). Комплекс долевых показателей, отражающих спады и подъемы в истории американского банковского бизнеса, рассматривается параллельно с аналогичными данными по основным конкурирующим силам в лице Западной Европы, Японии и Китая.

Проведенные расчеты показывают, что в 1970-е и 1980-е гг. США почти непрерывно теряли позиции на мировой банковской арене. Центр кредитной активности перемещался тогда в Японию и отчасти в Европу. Подобные сдвиги объяснялись как сравнительно медленным развитием экономики США, так и рядом юридических ограничений, с которыми американские банки сталкивались внутри своей страны. Реформирование национального финансового сектора, осуществленное в несколько этапов на протяжении 1980–1990-х гг., дало противоречивые, но в большей мере положительные результаты. С 1994–1995 гг. долевые показатели США стали расти, а затем стабилизировались на относительно высоких отметках. Американские успехи, при всей их умеренности, выглядели существенным достижением с учетом того, что их не смог перекрыть даже самый мощный новейший фактор – чрезвычайно быстрое усиление Китая. Положительные для Соединенных Штатов изменения были связаны со способностью относительно гибко и быстро модернизировать национальное законодательство, а также с сохранением заметной внутренней конкуренции между городами (по сравнению с более монополизированными банковскими пространствами Европы и крупнейших стран Азии).

Ключевые слова: США, Европа, Япония, Китай, 1970–2010-е гг., банки, города, конкуренция.

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-83-92

Введение

Огромное экономическое и политическое влияние США на мировой арене, которое, однако, существенно варьируется по сферам и направлениям, требует от исследователей повышенного внимания к разнообразным аспектам данной проблематики. Несомненно, очень важным полем для анализа является банковская деятельность, в которой Соединенные Штаты, несмотря на некоторое отступление за последние 40–50 лет, сохраняют сильные глобальные позиции. Изучение этой отрасли, в свою очередь, имеет несколько самостоятельно важных граней. Настоящая публикация посвящена прежде всего географическим параметрам банковского бизнеса: речь пойдет о том, как с течением времени менялось положение американских городов в мировой кредитно-финансовой иерархии. Статья опирается на традицию классических историко-экономических трудов, посвященных мировым финансовым центрам (см., напр.: [8; 10]), а также на собственные исследования автора по банковской географии отдельных стран, главным образом США и России (см., напр.: [15]). Данная работа, как видно уже из ее названия, в определенной мере совмещает «глобалистскую» и «страноведческую» линии.

Теоретические основания и метод

В хронологическом плане исследование охватывает почти полувековой период – от начала 1970-х гг. до современности.

Выбор стартовой точки определяется целым рядом обстоятельств. Очень важно, что 1970-е гг. стали временем фундаментальных перемен: первых шагов на пути от кейнсианской модели к более свободному рынку, вынужденного отказа от Бреттон-Вудской системы валютного регулирования (центральную роль в которой играл американский доллар) и т. д. На этот же период пришлось становление Интернета, который, заметим, почти сразу приобрел особое технологическое значение для финансовой деятельности. Кроме этого, с 1970-х гг. США стали терять лидерство на мировой банковской арене, и этот «тектонический сдвиг», вместе с его последующими корректировками, очевидно, заслуживает специального внимания.

Не менее важным фактором, определяющим выбор хронологических рубежей, является доступность ключевых источников. Речь идет прежде всего о публикуемых с 1970 г. в лондонском журнале *The Banker* данных по капиталу и активам 300 (а затем 500 и, наконец, 1000) крупнейших банков мира [17-19]. Эти исходные сведения, после соответствующей обработки и систематизации, позволяют получить надежное представление о месте различных городов и стран в глобальном кредитно-финансовом бизнесе. Кроме этого, наиболее важная для настоящей работы количественная и неколичественная информация, относящаяся непосредственно к США, дополнительно уточнялась и верифицировалась на основе официальных сводок, публикуемых американскими отраслевыми регуляторами – Федеральной резервной системой (ФРС) [12; 13] и Федеральной корпорацией по страхованию вкладов (ФКСВ) [11].

Полученные результаты рассматриваются в определенном хронологическом порядке. Большой 50-летний период, изучаемый в данной работе, разделяется на три относительно коротких отрезка (1970–1980-е гг., 1990-е гг., 2000–2010-е гг.). Основным мотивом для определения именно таких исторических границ является серия разворотов и выраженная смена тенденций в плане усиления или ослабления американских позиций на мировой банковской сцене.

При этом анализ проводится в режиме двойного мониторинга: на первом уровне рассматриваются в динамике общие показатели Соединенных Штатов, а на втором – детализируются компоненты этой собирательной картины, то есть результаты отдельных американских городов. Положение дел в обоих названных аспектах прослеживается на основе комплекса из четырех количественных характеристик, таких как: (1) доля США в глобальном ВВП (источник информации – официальные сводки ООН [20]), (2) доля США в суммарных активах крупнейших банков мира по данным *The Banker*, (3) количество банков США по отношению к общему количеству банков мира в рейтинге *The Banker*, (4) количество городов США по отношению к общему количеству городов мира, чьи банки представлены в рейтинге *The Banker*. Очевидно, что использование долевого показателя практически полностью снимает проблемы, связанные с изменением количества банков от ранних к последующим версиям рейтинга.

Для повышения объективности исследования, а также для воссоздания максимально полной картины данные по США сопоставляются с аналогичными статистическими показателями основных конкурентов изучаемой страны – Японии, Западной Европы и Китайской Народной Республики. В двух последних случаях необходимо сделать некоторые уточнения.

К Западной Европе, исходя из особенностей именно финансовой истории и географии, здесь отнесены следующие 22 страны: Австрия, Андорра, Бельгия, Великобритания (вместе с Гибралтаром), Германия (до 1990 г. – «старая» ФРГ вместе с Западным Берлином, затем – вся объединенная страна, что в данном случае, однако, не влияет на общую картину), Греция, Дания, Исландия, Испания, Ирландия, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция и Швейцария. Такая широкая, но не охватывающая всю Европу панорама позволяет включить в аналитическое поле лишь государства с давней свободой предпринимательства и, соответственно, с большим «стажем» участия в рейтингах журнала *The Banker*. Конечно, присоединение к этому кругу представителей бывшего советского блока, произошедшее (при редких исключениях) в первой половине 1990-х гг., стало очень важным событием. Однако в мировом масштабе банковский вес даже таких крупных постсоциалистических стран, как Россия, Украина и Польша, остается сравнительно небольшим. В этой связи более корректным для неразрывных полувексовых измерений представляется только что обозначенный подход: рассмотрение в качестве давнего и сопоставимого конкурента для США именно Западной Европы, но в представленной широкой трактовке.

В отношении КНР действует несколько иная логика. Названная страна тоже появилась в таблицах *The Banker* относительно поздно, лишь после рыночного реформирования национальной банковской системы в середине 1980-х гг. Однако, как будет показано в дальнейшем, колоссальный масштаб финансовых институтов современного Китая делал бы явно недостаточным любой подобный анализ, игнорирующий фактор Поднебесной.

Наконец, следует отметить, что все измерения, для повышения надежности и достоверности, проводились с минимально возможным шагом в один год. Таблицы, представленные далее, сформированы в более лаконичном ключе, чтобы не перегружать публикацию избыточными рядами чисел. Однако все основные наблюдения и выводы опираются именно на полные ежегодные замеры.

Результаты и обсуждение

Прежде чем непосредственно обратиться к основным тенденциям и событиям изучаемых десятилетий, необходимо вспомнить в общих чертах о том, что происходило раньше. Утверждение США на первом месте в мире по общему объему экономики, произошедшее в заключительной четверти XIX в., закономерно повлекло за собой выход страны на передовые позиции и в финансовой сфере. Хотя недостаток надежной статистической информации не позволяет называть точные даты, можно с уверенностью говорить о том, что по этой линии США перехватили первенство у Великобритании после создания в 1913 г. ФРС, обеспечившей дополнительную надежность доллара, а также в результате разворота основного вектора трансатлантических займов в период Первой мировой войны. Затем очень большую роль сыграло и такое обстоятельство, как вынужденный отказ Британии от золотого стандарта для фунта стерлингов (1931 г.).

Следующий рывок США совершили после Второй мировой войны, когда их национальное хозяйство в целом, а также их фондовые биржи, кредитные корпорации и многие иные структуры, имеющие фундаментальное значение для рыночной экономики, были уже не просто самыми большими – они в тот период опережали зарубежных конкурентов с гигантским и, как могло показаться, непреодолимым отрывом. Однако уже в 1950-е и 1960-е гг. все более значительную роль стали играть новые факторы: во-первых, явное превосходство ФРГ, Италии, Японии и некоторых других стран над Соединенными Штатами по темпам экономического роста; во-вторых, сохранявшиеся на внутренней американской арене правила, которые, например, устанавливали строгий контроль ФРС над уровнем банковских ставок. Эти и другие регламентации, вводимые в период борьбы против кризиса 1929–1933 гг., в свое время дали определенный стабилизирующий эффект, но в послевоенный период неожиданно обеспечили важные преимущества финансовым домам Старого Света. На рубеже 1950–1960-х гг. сначала в Лондоне, а затем и в ряде других центров стал складываться огромный и процветающий рынок «евродолларов» – финансовых инструментов, номинированных в валюте США, но выпускавшихся эмитентами из других стран, свободными от американских юридических ограничений.

Словом, к началу 1970-х гг. Соединенные Штаты Америки, еще оставаясь на тот момент ведущей банковской силой в мире, вновь столкнулись с серьезными конкурентными вызовами, источники которых находились и в Европе, и в Восточной Азии.

Теперь попробуем, учитывая все вышеизложенное, рассмотреть дальнейшие события. Они, как уже упоминалось, могут быть сгруппированы по трем периодам. При некоторой (и неизбежной) условности хронологических границ и обобщающих характеристик такие исторические отрезки, определяемые по выраженным и длительным изменениям относительного веса США в глобальной банковской системе, описываются в терминах «отступление», «коррекция» и «стабилизация».

1. 1970–1980-е гг.: отступление

Статистика 1970-х гг. фиксирует то, что началось, несомненно, еще раньше, однако именно в этом десятилетии приобрело драматический характер. Уже довольно давнее отставание США от ряда европейских и азиатских стран по темпам экономического роста привело к устойчивому снижению рыночного спроса на доллар и, наоборот, к росту «популярности» японской иены, западногерманской марки и некоторых других валют. В 1971 г. администрация президента Р. Никсона была вынуждена отказаться от золотого обеспечения национальной денежной единицы, что вскоре вызвало и прекращение привязки других ведущих валют к доллару. (Иначе говоря, произошел распад Бреттон-Вудской системы, сложившейся на выходе из Второй мировой войны и зафиксировавшей тогда особую роль США в глобальном валютном обмене). За период 1970–1980 гг., отмеченный серией циклических кризисов, потрясениями на энергетическом рынке, всплеском инфляции и другими проблемами, доля США в мировой экономике сократилась с 31,5 % до 23,2 %, а в глобальных банковских активах – с 35,8 % до 17,8 % (табл. 1, 2). Основная часть этих потерянных процентов переходила к ФРГ, Франции и Швейцарии, а также к Японии, которая в конце 1970-х гг. превзошла Соединенные Штаты по объему активов (табл. 3).

Разумеется, «генеральное отступление» сопровождалось ухудшением американских позиций и в отдельных компонентах картины, таких как представительство в глобальном рейтинге по количеству банков и городов (табл. 1, 4, 5). Такой же нисходящий наклон был и у отдельных городских траекторий. Нью-Йорк (где работали такие финансовые гиганты, как *First National City Corp* и *Chase*

Manhattan) утратил абсолютное мировое лидерство, пропустив вперед сначала Токио (1973 г.), а затем также и Париж (1979 г.). Следующие по значению банковские центры США – Сан-Франциско и Лос-Анджелес – за десять лет ушли соответственно с четвертого на седьмое и с 10 на 20 места. (Здесь и далее информация о положении различных городов в мировой иерархии банковских центров приводится по результатам расчетов на основе таблиц *The Banker* [17-19], информация о слияниях или переездах американских банковских компаний – по данным национальных отраслевых регуляторов [11; 13].) Не намного лучше обстояли дела у Чикаго, передвинувшегося с 12 на 17 позицию. Нашлись и два редких исключения. В условиях стремительного роста цен на энергоносители смогли продвигнуться Даллас и Хьюстон – основные центры тexasского нефтяного бума и связанных с ним финансовых операций [4. С. 32–33]. Подъем этих городов на несколько ступеней в пределах четвертого (Даллас) и пятого (Хьюстон) десятков не выглядел выдающимся достижением, но все же представлялся важным событием на фоне общих неудач страны.

Между тем относительная слабость и неэффективность американских финансовых корпораций все чаще вызывали беспокойство в деловых и политических кругах. Эти тревоги, наряду с множеством иных факторов, в итоге привели к серии долгожданных отраслевых реформ, которые в свою очередь стали важной частью общего дерегулирования экономики, развернувшегося при администрациях Дж. Картера и Р. Рейгана. В начале и середине 1980-х гг. на основе различных законодательных и судебных решений был отменен административный контроль над уровнем ставок, а также произошло существенное ослабление запрета на присутствие банков за пределами своих городов и штатов, например, через создание филиальных сетей [7. Р. 188–189; 14. Р. 87–100]. (Во втором случае речь шла об устранении очень архаичных барьеров, сформировавшихся из сложной комбинации политических и экономических интересов регионального уровня еще в первые десятилетия истории США [9. Р. 155–158, 162–163]). Результаты пришли достаточно быстро; некоторое время отрасль уверенно росла вместе со всей национальной экономикой. Однако уже с 1986–1987 гг. ситуация резко изменилась. Неготовность многих кредитных корпораций к работе в новых условиях, некоторые просчеты, допущенные в ходе реформ, и резкие конъюнктурные перепады в ряде смежных отраслей привели к тяжелому кризису в банковском секторе [14. Р. 3–85]. Параллельно с дальнейшим подъемом американской экономики в конце 1980-х гг. и, тем более, на фоне последовавшей затем рецессии 1990–1992 гг. кредитная отрасль переживала невиданную за последние полвека волну банкротств и общее падение базовых показателей.

Таблица 1

Доля США в комплексе глобальных экономических показателей, 1970–2015 гг. (в процентах)

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
ВВП (1)	31,5	25,4	23,2	32,1	26	24,6	30,5	27,4	22,7	24,4
активы (2)	35,8	26,1	17,8	18,8	12,7	10,4	13,6	14,1	13	13
банки (3)	32,7	28	24,4	22,7	21,9	16,2	19,3	19,8	16,8	15,8
города (4)	30,7	25,5	25,9	25,9	29,5	25,4	28,5	28,8	26,1	25,5

Показаны доли США: (1) в мировом ВВП, (2) в суммарных активах крупнейших банков мира, (3) в численном составе крупнейших банков мира, (4) в численном составе городов, банки из которых входят в глобальный рейтинг.

Расчеты на основе [17-20].

Таблица 2

**Глобальный ВВП:
географическое распределение основных долевых вкладов, 1970–2015 гг. (в процентах)**

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США	31,5	25,4	23,2	32,1	26	24,6	30,5	27,4	22,7	24,4
Зап. Европа	25,3	29,4	31,7	23,8	33,5	31,4	26,6	30,1	25,3	21,7
Япония	6,2	7,9	9	10,4	13,6	17,5	14,6	10	8,6	5,9
КНР	2,7	2,5	2,5	2,3	1,7	2,4	3,6	4,8	9,2	14,8

Расчеты на основе [20].

Таблица 3

**Суммарные активы крупнейших банков мира:
географическое распределение основных долевых вкладов, 1970–2015 гг. (в процентах)**

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США	35,8	26,1	17,8	18,8	12,7	10,4	13,6	14,1	13	13
Зап. Европа	37,2	44,9	50,3	39,9	41,2	41,7	48,4	54,6	51,1	37,7
Япония	16	18,9	19	25,4	32,2	32,8	21,5	13,5	10,7	9,6
КНР	-	-	-	0,5	0,8	2,9	3,7	4,9	8,9	19,3

Расчеты на основе [17-19].

Таблица 4

**Общая численность крупнейших банков мира:
географическое распределение основных долевых вкладов, 1970–2015 гг. (в процентах)**

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США	32,7	28	24,4	22,7	21,9	16,2	19,3	19,8	16,8	15,8
Зап. Европа	38	42	40,6	37,2	42,2	38,3	34,9	32,9	26,4	21,3
Япония	15,3	17,3	11,8	14,3	11,2	12,1	11,6	10,7	10	8,9
КНР	-	-	-	0,2	0,2	0,5	1	2,1	7,7	11,7

Расчеты на основе [17-19].

Таблица 5

**Общая численность городов, представленных в рейтинге крупнейших банков мира:
географическое распределение основных долевых вкладов, 1970–2015 гг. (в процентах)**

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США	30,7	25,5	25,9	25,9	29,5	25,4	28,5	28,8	26,1	25,5
Зап. Европа	31,4	35,2	34	29,6	40,6	38,9	38,2	37,1	30	23,3
Япония	20	22,8	16	20,5	13,2	13,7	12,2	11,9	11,1	10,5
КНР	-	-	-	0,5	0,5	0,5	0,8	1,5	8,8	14,2

Расчеты на основе [17-19].

Неудивительно, что после короткой стабилизации, наблюдавшейся в первой половине 1980-х гг., долевые индикаторы американских компаний в таблицах *The Banker* снова пошли вниз (табл. 1). Безусловным лидером (при подсчете данных по отдельным странам) в этот период была Япония, решительно потеснившая не только американских, но и относительно устойчивых европейских конкурентов (табл. 2–5). Правда, следует учитывать и то, что большой вклад в этот подъем внесло повышение курса иены, начавшееся с 1985 г. в результате согласованных и целенаправленных действий ведущих экономических держав [1. С. 373–374; 6. С. 141–142]. Но в любом случае регресс и Соединенных Штатов в целом (табл. 1), и отдельных их городов выглядел впечатляющим. Нью-Йорк к 1990 г. опустился с третьего на шестое место, проигрывая Токио, Парижу, Осаке, Лондону и Франкфурту-на-Майне. Очень резким было ослабление ранговых позиций Сан-Франциско (переход с седьмого места на 24) и Чикаго (с 17 на 37). Еще хуже обстояли дела у Далласа и Хьюстона, подававших большие надежды в предыдущем десятилетии. Падение мировых цен на нефть вместе с некоторыми другими факторами подорвало финансовый фундамент техасских городов и вывело их из круга заметных банковских центров [4. С. 33–34]. В обратном направлении продвигался Шарлотт (штат Северная Каролина), однако в подъеме этого сравнительно небольшого города на 39 место тогда еще трудно было увидеть решительные шаги к будущему триумфу. Очевидно, что поправки, внесенные Шарлоттом, лишь немного меняли общую картину американского отступления на глобальном банковском поле.

2. 1990-е гг.: коррекция

Негативные для США тенденции продолжали развиваться, хотя и с некоторым замедлением, в период глобальной рецессии начала 1990-х гг. Новый разворот обозначился с 1992–1993 гг., когда, вместе с выходом страны из общего экономического спада, свой очень тяжелый и затянувшийся на семь лет кризис наконец-то преодолела и кредитная отрасль. В благоприятных условиях новое политическое руководство во главе с президентом У. Клинтонem смогло продолжить реформирование национальной банковской системы, направленное на повышение ее устойчивости и прибыльности через дальнейшее расширение рыночных свобод. Ключевым событием в этом плане стало принятие закона «Об эффективности междуштатных банков и филиалов» (или закона Ригла–Нила) (1994 г.). С его вступлением в силу открылась возможность для практически беспрепятственного осуществления банковских слияний и строительства корпоративных офисных сетей по всей стране (см., напр.: [16. Р. 41–62]).

Получив этот мощный импульс, кредитно-финансовый бизнес США вновь стал набирать высоту. К концу 1990-х гг. глобальная доля данной страны, измеренная по банковским активам, достигла 13,6 % (табл. 1). Это было примерно на один процентный пункт выше, чем в начале десятилетия, и на три – по сравнению с нижними точками предыдущего спада. Более того, повышательный тренд был затем продолжен и в самом начале 2000-х гг. Впрочем, весь этот подъем по своей амплитуде оказался намного меньше, чем затяжной спад, наблюдавшийся на предыдущем историческом этапе. Таким образом, после отступления 1970–1980-х гг. произошло то, что едва ли могло быть названо полноценным «контрнаступлением», но в любом случае являлось значительной коррекцией в пользу Соединенных Штатов. Вместе с Америкой в 1990-е гг. смогли улучшить свои позиции Германия, Великобритания, Швейцария и некоторые другие европейские страны, тогда как Япония, хотя и оставаясь еще мировым лидером, переживала глубокий спад (табл. 3).

Изменения, происходившие на уровне целой страны, отразились и на положении ее отдельных городов, однако с очень большим разнообразием результатов. Подобная дивергенция тоже выглядела вполне закономерной. Отмена территориальных и многих иных ограничений резко усилила конкурентное начало. Многие финансовые группы активизировали свою географическую экспансию, еще больше было компаний, оказавшихся поглощенными в ходе этого процесса. В проекции на города это означало очень быстрый рост успешных центров, обладавших сильными корпорациями и, наоборот, отставание тех, где местные компании переходили под управление внешних игроков.

Конечно, самым крупным узлом консолидации являлся Нью-Йорк, где в результате серии слияний (происходивших и внутри города, и за его пределами) сложились два гигантских холдинга – *Citigroup* и *JP Morgan Chase & Co.* Усилиями этих и некоторых других корпораций город несколько улучшил свои транснациональные позиции, потеснив Осаку и, соответственно, поднявшись к концу 1990-х гг. с шестого места на пятое. Впрочем, по динамике (но, конечно, не по абсолютным величинам) национальную финансовую столицу явно превзошел Шарлотт. Его банковские группы радикально расширили начатое еще в предыдущем десятилетии наступление в другие части США и на зарубежные рынки. Самым выдающимся событием стало произошедшее в 1998 г. фактическое присоединение знаменитого *Bank of America* (Сан-Франциско) к шарлоттскому *NationsBank* (с одновременным переходом более «раскрученного» названия *Bank of America* к приобретающей стороне) [5. С. 97; 15. Р. 2548]. Все это позволило Шарлотту совершить по итогам десятилетия феноменальное восхождение с 39 на девятое место. Хорошие результаты (подъем с 37 на 21 строку) благодаря различным слияниям на базе местного холдинга *Bank One* демонстрировал и Чикаго.

На другом полюсе находилась огромная группа неудачников, включая даже такие крупные города, как Лос-Анджелес и Филадельфия, – они, вслед за Далласом и Хьюстоном, выбыли из числа значительных кредитно-финансовых центров. Тяжелое падение с 24 на 33 место пережил, после потери прежнего *Bank of America*, Сан-Франциско, но этот город все же сохранял определенные шансы на возрождение за счет еще одной сильной компании – холдинга *Wells Fargo & Co.*

Так или иначе, итогом этих и иных разнонаправленных движений, хорошо отражавших особенности перемен на внутренней арене, стало некоторое улучшение коллективной позиции американских городов в мировом масштабе; правда, даже такой умеренный прогресс еще предстояло подтвердить в условиях новых вызовов и появления неожиданных конкурентов.

3. 2000–2010-е гг.: стабилизация

Начало XXI в. для банков США и многих других стран складывалось, как могло показаться тогда, очень удачно. В это время с невиданной скоростью происходило расширение бизнеса и распро-

странение новых банковских продуктов. Особое значение в 2000-е гг. приобрели ипотечные кредиты, ориентированные на сравнительно малообеспеченных заемщиков. С одной стороны, эти кредиты выглядели доступными из-за льготных периодов погашения и других внешне привлекательных моментов, с другой – естественные опасения насчет возврата заемных средств в банки снижались благодаря сложной комбинации последующих финансовых цепочек. Кредитные риски растворялись в специальных облигациях, причудливо перемешанных и разделенных на транши, в системе страхования от дефолтов и т. д. Вскоре, однако, выяснилось, что механизмы перераспределения рисков не столько повысили степень безопасности, сколько снизили степень ответственности на различных участках, начиная от кредитования рядовых клиентов. Ипотечный и строительный бум, несколько лет нараставший в Америке и Европе, в 2006–2007 гг. сменился резким торможением, а в 2008–2009 гг. – банкротством множества финансовых институтов и мировым экономическим кризисом, который стал самым тяжелым за семь с лишним десятилетий.

Безусловно, в чрезмерном распространении «субстандартной ипотеки» активно участвовали различные американские банки, например *Washington Mutual* из Сиэтла и *Wachovia Corporation* из Шарлотта. Однако статистические данные (вопреки широко распространенному мнению) свидетельствуют о том, что самыми большими источниками накачки «финансовых пузырей» были скорее не американские, а европейские корпорации. Невероятно выросшие финансовые конгломераты, базировавшиеся в Великобритании, Ирландии, Испании, Швейцарии и некоторых других странах, оказались к 2008–2009 гг. в крайне тяжелом положении. В результате падение показателей Европы (отчасти связанное и с колебанием валютных курсов) было гораздо более резким, чем у США (табл. 3-5).

Не менее важными, однако, оставались и азиатские компоненты мировой картины. В 2000-е гг. продолжилось затяжное сокращение банковских долей Японии, тесно связанное с медленным ростом ВВП и различными структурными проблемами страны, уже очень давно потерявший динамику времен послевоенного «экономического чуда». Зато теперь прежние японские траектории (как по валовому продукту, так и по банковским параметрам) убедительно повторяла КНР (табл. 2-5). Создав лишь в середине 1980-х гг. относительно современную банковскую систему, эта страна затем очень уверенно реализовала свой гигантский потенциал. В 2012–2013 гг. Китай по величине активов вышел на первое место в мире, превзойдя и Японию, и США, и любое из европейских государств (хотя и не всю Западную Европу, которая в исследовательских целях по-прежнему рассматривается здесь как единое пространство) (табл. 3).

Если же вернуться теперь непосредственно к Соединенным Штатам, то можно заметить следующее любопытное явление: несмотря на, казалось бы, очень четкий исторический барьер в виде кризиса 2008–2009 гг., глобальная доля названной страны оставалась достаточно стабильной на протяжении всего периода от начала XXI в. США, конечно, не обладают той мощной восходящей энергией, которую демонстрирует Китай. С другой стороны, в отличие от Японии они все же не находятся и на траектории длительного снижения. Наконец, Америка не в такой степени, как Европа, погрузилась в рискованные ипотечные игры начала и середины 2000-х гг. и, следовательно, избежала слишком резкого падения в результате «Великой рецессии» в конце десятилетия. Важную стабилизирующую роль сыграл также закон «О реформе Уолл-стрит и защите потребителей» (закон Додда-Франка), принятый в 2010 г. при администрации Б. Обамы (см., напр.: [2; 3]). Этот сбалансированный документ ввел дополнительные механизмы правительственного контроля над банковской отраслью, хотя, конечно, и не вернул регулирование к тем явно завышенным уровням, от которых США с трудом ушли в конце прошлого века.

При довольно устойчивых общенациональных результатах по банковским активам, обычно совершавших умеренные колебания в диапазоне 12,5–14,5 % (табл. 1, 3), подобную стабильность проявляли и некоторые из важнейших городов. Так, Нью-Йорк с неизменной парой его флагманских холдингов (*Citigroup* и *JP Morgan Chase*) остался на пятом месте в мировой иерархии (лишь с той оговоркой, что среди городов, находившихся выше, на смену Франкфурту пришел Пекин). Шарлотт, несмотря на потерю слишком вовлеченной в ипотеку *Wachovia Corporation*, сохранил место в первой десятке благодаря *Bank of America*. Одновременно наблюдались и яркие примеры движения вверх. В частности, Сан-Франциско (прежде всего усилиями холдинга *Wells Fargo*) поднялся с 33 места в 2000 г. на 13 место в середине 2010-х гг. Больших успехов за этот же период добились, например, Маклин (пригород Вашингтона) и Миннеаполис, зато на десятки ступеней вниз ушли Чикаго и Кливленд. Иными словами, в условиях очень острой внутренней конкуренции результирующие показате-

ли США, как и в 1990-е гг., складывались из множества разнонаправленных векторов локального уровня. Стабилизация долевых банковских индикаторов всей страны далеко не в каждом случае означала такую же стабилизацию для отдельно взятых городов.

Заключение

Огромные изменения, произошедшие на мировой арене за последние 50 лет, по-своему проявились и в таком важном вопросе, как географическая расстановка сил в банковской деятельности.

Ослабление относительных экономических позиций США, четко обозначившееся в 1970-е гг., почти синхронно фиксировалось по динамике ВВП и по вкладу в глобальный банковский сектор. На многих направлениях американский бизнес все сильнее проигрывал конкурентам из Японии и Западной Европы. Многоплановое дерегулирование национального хозяйства, осуществленное затем при администрациях Дж. Картера и Р. Рейгана, помогло несколько улучшить общие экономические показатели, но оказалось гораздо более спорным по воздействию на кредитную отрасль. Ее затяжной спад, начавшийся в 1986 г., позволяет с минимальными оговорками рассматривать все двадцатилетие (1970–1980-е гг.) как время общего отступления американских корпораций на мировом банковском поле.

Зато в 1990-е гг., особенно в их второй половине, ситуация существенным образом изменилась. Отложенный эффект прошлых реформ, а также дальнейшая модернизация банковских правил, произошедшая при У. Клинтоне, позволили кредитно-финансовым силам Америки уйти от неблагоприятных тенденций недавнего прошлого. Некоторое увеличение банковской доли США в последнем десятилетии XX в. и ее стабилизация на относительно высоких уровнях в 2000–2010-х гг. выглядели еще более примечательными с учетом бурных событий этого времени (таких как тяжелый мировой кризис 2008–2009 гг. и феноменальное усиление нового конкурента в лице Китая). Финансовое сообщество Соединенных Штатов продемонстрировало способность пусть не к возвращению триумфальных результатов конца 1940–1960-х гг. (что, конечно, было бы невозможным с учетом фундаментальных изменений во всем мире), но, во всяком случае, к заметному восстановлению позиций.

Этим ограниченным, но несомненным успехам способствовали особенности внутреннего устройства американской банковской системы – прежде всего высокий уровень конкуренции и между корпорациями, и между городами. Следует вновь обратить внимание на то, что общенациональное отступление 1970–1980-х гг. сопровождалось ранговым скольжением вниз почти всех банковских центров США. По контрасту, в более успешные для страны 1990–2010-е гг. города очень часто совершали разнонаправленные движения: острое внутреннее соперничество приводило к учащению и взлетов, и провалов, а в итоге такая ситуация обеспечивала сравнительно неплохие суммарные результаты.

Наконец, о многом способны сказать и трансграничные сравнения по разным банковским измерителям. За неполные пять десятилетий США, заметно отступившие по доле в глобальных активах, проявили более высокую устойчивость в том, что касается долей в численности корпораций и, особенно в численности городов (табл. 1, 4, 5). В результате Соединенные Штаты отличались раньше и еще сильнее отличаются теперь от Западной Европы, Японии и Китая сравнительно небольшой величиной активов в пересчете на один город. В Америке с давних пор наблюдалась крайняя географическая распыленность банковского бизнеса. После реформ 1980–1990-х гг. картина в этом плане сильно изменилась, однако США все равно не достигли той концентрации финансовых ресурсов в крупнейших городах, которая характерна для банковских пространств Европы и Азии. Есть серьезные основания видеть в этом плюсы для американской стороны: сохранение выраженной внутренней конкуренции, наличие резерва в виде городов второго и третьего эшелонов, сравнительно равномерное распределение налоговых и иных преимуществ, связанных с наличием большого кредитно-финансового бизнеса, – все это придает национальной банковской системе дополнительную надежность и адаптивность в условиях стремительных глобальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
2. Костяев С.С. Реформа финансового сектора // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3. С. 71–83.

3. Кулакова В.К. Результаты и перспективы финансовой реформы в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 9. С. 47–58.
4. Никитин Л.В. Большой бизнес на ненадежном фундаменте: нефтепромышленные центры в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 1. С. 32–35.
5. Никитин Л.В. Сан-Франциско в истории американской и мировой банковской системы (XIX – начало XXI вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. Т. 2, № 56. С. 89–102.
6. Рикардс Дж. Валютные войны. М.: Эксмо, 2015. 368 с.
7. Berger A.N., Kashyap A.K., Scalise J.M. The Transformation of the U.S. Banking Industry: What a Long, Strange Trip It's Been // Brookings Papers on Economic Activity. 1995. No. 2. P. 55–218.
8. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Т. 3. Le Temps du Monde. Paris: Armand Colin, 1979. 607 p.
9. Calomiris C.W., Haber S.H. Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2014. 584 p.
10. Cassis Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 400 p.
11. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. URL: <https://www5.fdic.gov/idas/advSearchLanding.asp> (Дата обращения: 18.07.2019).
12. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. URL: <https://www.fraser.stlouisfed.org/theme/21> (Дата обращения: 01.08.2019).
13. Federal Reserve System (FRS). National Information Center. Institution Search. URL: <http://www.ffiec.gov/nicpubweb/nicweb/SearchForm.aspx> (Дата обращения: 11.07.2019).
14. History of the Eighties – Lessons for the Future. Washington (D.C.): FDIC, 1997. Vol. I. 574 p.
15. Nikitin L.V. National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015 // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2545–2553.
16. Rose P.S. Banking across State Lines: Public and Private Consequences. Westport (Conn.): Quorum Books, 1997. 188 p.
17. The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979. URL: <https://www.thebanker.com> (Дата обращения: 16.07.2019).
18. The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1988. URL: <https://www.thebanker.com> (Дата обращения: 18.07.2019).
19. The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2018. URL: <https://www.thebanker.com> (Дата обращения: 03.08.2019).
20. United Nations Statistical Division. National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp> (дата обращения: 05.08.2019).

Поступила в редакцию 27.09.2019

Никитин Леонид Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
454080 Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

L.V. Nikitin

U.S. CITIES IN THE GLOBAL BANKING SYSTEM (1970s – 2010s)

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-1-83-92

Based on statistical data and other information, the article traces how the place of the United States of America in the world banking system was changing over the course of several decades. Such monitoring is carried out simultaneously at two levels: both in relation to the country as a whole, and to its most important cities. Research begins at the turn of the 1960s–1970s and extends to the present (the choice of the starting chronological point is determined by the fundamental shifts in the world economy that took place during that period, as well as by the emergence in 1970 of accessible and reliable statistical reports of an international scale). The set of quantitative indicators reflecting the ups and downs in the history of American banking business is considered in parallel with similar data for the main competing forces, namely Western Europe, Japan and China.

The measurements show that in the 1970s and 1980s the share of the United States in the global banking was usually declining. The centre of credit activity then moved to Japan and partly to Europe. Such shifts were explained by both the relatively slow development of the US economy and a number of legal restrictions that American banks faced

within their own country. Reforming of the national financial sector, carried out in several stages during the 1980s – 1990s, yielded contradictory but mostly positive results. From 1994–1995, US shares in the global banking began to rise, and then stabilized at relatively high levels. The American successes, for all their moderation, seemed to be a significant achievement, given that even the most powerful newest factor, the enormously fast strengthening of China, could not block them. Positive changes for the United States were connected with the ability to modernize national legislation rather flexibly and quickly, as well as with the maintenance of significant internal competition between cities (in comparison with the more monopolized banking areas of Europe and the largest Asian countries).

Keywords: USA, Europe, Japan, China, 1970s–2010s, banks, cities, competition.

Received 27.09.2019

Nikitin L.V., Candidate of History, Associate professor at the Department of World History
South Urals State Humanitarian Pedagogical University
Prosp. Lenina, 69, Chelyabinsk, Russia, 454080
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru